

С. А. ХОРКИНА (Архангельск)

Северный идентитет как основа развития традиций в исследовании арктики 1890-1917

Норвежцы и русские — пионеры освоения Арктики

Норвежцы и русские первыми среди европейских народов начали освоение арктических территорий. В северо-западной Арктике в IX-XIV вв. господствовали предки современных норвежцев — викинги. К концу IX в. они открыли и начали заселять Исландию, в 80-х годах X в. викинги освоили Гренландию, в 1000 году — достигли Северной Америки. Около 870-900 годов норвежцы открыли морской путь в Белое море. В XV в. англичане и голландцы завоевали господство в северных морях, однако заслуги викингов не были забыты потомками. В конце XIX в. норвежские океанографы назвали морское пространство между Норвегией, Шетландскими островами, Исландией и Шпицбергом «Норвежским морем». (Berg 1995:12). Президент Британского Королевского Географического общества Генри Роулингсон писал в 1872 году:

The old heroic literature of Scandinavia is closely connected with Arctic research; and we cannot fail to rejoice at the place which the descend-ants of Other and of Eirec Raude are so worthily taking among the ex-pplorers of North polar regions. (Wråkberg, 1995:183)

Русские начали проникать на Север в X в. Выходцы из Новгорода отправлялись к берегам Белого моря в поисках новых рынков и ресурсов. В XI-XII вв. новгородские колонии уже можно было встретить на берегах рек Онеги, Северной Двины и Мезени, Белого моря и Ледовитого океана. Позднее эту территорию стали называть *Поморьем*, а ее жителей — *поморами*, что буквально означает «живущие у моря». Поморы стали первыми русскими арктическими мореплавателями и соперниками викингов. летописи сообщают, что в 1412 году жители «Двинской земли» напали на норвежские крепости с моря. В XV в. русские уже активно использовали морской

путь в Европу вдоль норвежских берегов (Nansen, 1911:395-396; Визе, 1948:11). Известно, что в XV-XVI вв. поморы начали промыслять у Новой Земли и в Карском море. Однако о времени первого посещения русскими Шпицбергена до сих пор нет достоверных данных. Некоторые советские ученые считали, что поморы побывали на архипелаге до открытия его в 1596 г. голландцем В. Баренцем (Визе, 1948:79; Белов, 1956:66-70), однако эта точка зрения не подтверждается археологами и оспаривается в связи с этим западными историками. Норвежский историк Тур Б. Арлов в монографии по истории Шпицбергена (Arlov, 1996: 100-101) считает, что поморы имели возможность совершать такие далекие плавания на протяжении 16 века. Он указывает на то, что полярный промысел в то время занял прочные позиции в поморской экономике, а компетенция и технология поморов позволяла расширять район промысла далеко на Север. Тем не менее, если вопрос о времени посещения Шпицбергена русскими до сих пор не имеет конкретного ответа, бесспорным фактом является то, что на протяжении XII-XVI вв. русские освоили значительную часть северных территорий, а в XVI в. освоили и регулярно использовали морской путь в Западную Сибирь (так называемый Мангазейский путь) (Barr, 1991:11-12).

В этой связи интересно отметить, что поморы изобрели особый тип судна, приспособленный для плаваний во льдах. Отличительной особенностью поморских кочей была их способность выжиматься на поверхность при натиске льдов. Ледовые обводы придавали корпусам кочей округлую, яйцеобразную форму, за что современники называли их «круглыми судами» (Визе, 1949:86). «Новоманерные» морские суда, появившиеся при Петре I, вызывали скептическое отношение со стороны опытных промышленников. Советский историк М. Белов приводит в этой связи в качестве примера результаты опроса поморов, проведенного Архангельской конторой над портом во время снаряжения отряда Великой северной экспедиции под командованием лейтенантов Муравьева и Павлова. Задачу этого отряда составляло произведение описи берега Ледовитого океана от Архангельска до устья Оби. Все опытные мореходы-мезенцы показали, что поморские кочи по своим качествам намного превосходят суда нового об-

разца в ледовых плаваниях. Один из опрошенных поморов, 80-летний Дмитрий Откупщиков, заявил, что для осмотра берега, где имеются неизвестные и опасные места, «судами быть вышеупомянутым кочам, только вверху дек укрепить, как у регулярных морских судов крепитца», так как кочи легче регулярных судов и, в случае затирания льдами, «лучшее спасение судам получают тем, что вышед на лед, и стягами судно вынимают, [...] а морским судам за тягостью при таком случае помочи учинить не можно.» (Белов, 1956:204-205). Однако то обстоятельство, что кочи оказались плохо приспособленными к плаванию в свободном море в условиях сильной качки, привело к тому, что предпочтение отдали «новоманерным судам».

Правоту русских поморов впоследствии подтвердили норвежцы. Знаменитый исследователь Арктики Фритьоф Нансен построил по сходному принципу судно для своего трансарктического дрейфа. Как и поморские кочи, «Фрам» имел округлую форму корпуса, а ледовые обводы позволяли судну выжиматься на поверхность при сжатии льдов. Эта особенность конструкции также создавала проблемы при плавании в штормовом море, однако судно выдержало долгий и опасный дрейф в 1893-1896 гг. и после него послужило еще двум норвежским экспедициям — Свердрупа (1898-1902) и Амундсена (1910 - 1912). Суда подобного типа сохранились на Крайнем Севере в течение почти полутора тысяч лет.

Место северного идентитета в русской и норвежской культурах

Несмотря на то, что русские и норвежцы первыми среди других европейских народов начали осваивать арктическое пространство и сделали его сферой своей жизнедеятельности, северный идентитет получил различное значение в национальном самосознании этих народов. На это повлияли многие обстоятельства, и, прежде всего, география расселения русского и норвежского народов. Норвежская нация сконцентрировалась на севере Европы, в то время как русские постепенно заняли большую часть евроазиатского континента. Разнообразие географических зон, заселенных и освоенных русскими, повлияло на формирование различных типов идентитета в русской национальной культуре.

В процессе западноевропейского культурного развития интерес к Северу усилился во второй половине XVIII в. К этому же времени относится и утверждение северного идентитета как основного элемента культуры скандинавских народов. В более раннюю эпоху традиционная западноевропейская культура ориентировалась на юг, на Средиземноморье. Север воспринимался как страна мрака и холода, населенная дикарями, колдунами и невероятными животными, как «край света». Все, что было связано с Севером, вызывало негативную реакцию цивилизованных европейцев. Еще в начале XVIII в. в средиземноморской Европе считали, что норвежцы — «это народ, вышедший из воды, с головами, больше похожими на свиные, чем на человеческие» (Christensen, 1996:61). Однако впоследствии мнение о жителях Северной Европы изменилось. В глазах французских просветителей середины века Норвегия уже выглядела «источником свободы» для остальной Европы и местом обитания сильных телом и духом людей. Переводы древнескандинавских литературных памятников представили образцы «демократического» общественного уклада. Монтескье писал о норвежцах в 1748 г. как о людях с особо сильной нервной системой, которая реагирует только на исключительные обстоятельства: они не чувствительны к боли. Их сила и размеры, пишет Монтескье, сформированы климатом и особенно «силой зимы». Он также указывает, что норвежские женщины сильно отличаются от других европейек своим более свободным положением в обществе и большими правами. Жители южной Европы часто, по мнению автора, становятся рабами своих чувств, несамостоятельны и зависимы от других. Северян же привлекают «сильные ощущения» — войны, охота, походы в неведомые страны. С этого времени образы «жителей Севера» начинают приобретать в западноевропейской культуре значение позитивного идеала.

Для самих норвежцев изменение их восприятия в Европе послужило толчком к развитию своей «северности» как основного национального культурного элемента. Само название страны переводится с древнескандинавского как «путь на Север», а жители буквально называют себя «северянами» (nordmenn). Во второй половине XVIII в. выдающийся деятель норвежской культуры Герхард Шёнинг указывал на «северность» как на основной элемент нор-

вежской национальной культуры. Норвежцы, считал он, имеют отличное от своих соседей-скандинавов происхождение. Если шведы и датчане пришли с юга, то норвежцы пришли с севера, чтобы «жить среди гор и скал, снега и холода». Как важную составную часть северного идентитета и национальной норвежской культуры в целом, Шёнинг выделял традиции, связанные с развитием зимних видов спорта и особенно лыжного спорта. В своих книгах он цитировал рассказы из древнескандинавских саг о героях-лыжниках и подчеркивал, что лыжный спорт считался «благородным искусством» в старые времена. (Christensen, 1996:60-61).

Значение северного идентитета в норвежской культуре особенно усилилось во второй половине XIX - начале XX вв. Это было связано как с ростом националистических настроений в Европе в целом, так и с процессом эмансипации норвежской нации в условиях распада Датско-Норвежского королевства в 1814 г. и образования шведско-норвежской унии. В стихотворении «Песнь Отчеству» (1859) норвежский поэт и общественный деятель Бьёрнштерне Бьёрнсон назвал Норвегию «страной вечного снега», ядром заснеженной империи викингов. В это время особенно усилился интерес к норвежской истории и культуре времен викингов. Возрос интерес к традиции арктических путешествий. Во второй половине XIX в. увеличился объем норвежского зверобойного промысла, и с 50-х годов норвежские зверобой сменили поморов на Шпицбергене и расширили район своей деятельности до Новой Земли, а в 60-70 годах промышляли и в Карском море. Это послужило развитию новой национальной традиции арктического мореплавания.

Лыжный спорт также приобрел особую популярность в это время. С 60-х годов XIX в. этот вид спорта стал особо модным не только среди мужчин, но и некоторых женщин. Мать Фритьофа Нансена Аделаида была одной из первых женщин-лыжниц. В воспитании молодого поколения тех лет национальные идеалы, связанные с «северностью» норвежской культуры, заняли центральное место.

В русской культуре отношение к Северу и место северного идентитета также менялось со временем, однако этот процесс не был таким же поступательным, как в Западной Европе. С IX в. русская культура имела два основных центра — северный (Новгород) и

южный (Киев), которые на протяжении долгого времени развивались независимо друг от друга, и даже имели различное политическое устройство. Киевское княжество развивалось по пути единоличного правления, в то время как Новгородское княжество было по существу боярской республикой. Своим политическим устройством Новгород выделялся среди остальных русских княжеств, а новгородское вече (народное собрание) напоминало подобные институты у скандинавских народов. Как и в Западной Европе, северное русское княжество представляло образец «демократического» общественного строя (по сравнению с южными княжествами) и «источник свободы» на русской земле. Архангельский губернатор Александр Энгельгардт писал в 1894 г., что «потомки свободолюбивых новгородцев, поморы, сохранили до сего дня предприимчивость, неуправляемость и отвагу своих предков» (Engelhardt, 1894:54). Кроме того, Русский Север избежал татарского нашествия, в то время как Киевская Русь находилась под татаро-монгольским игом с 1223 до 1480 г. Однако с усилением Москвы, которая стала преемницей Киева как политический и культурный центр, и под влиянием татарского ига возросло значение единой княжеской власти. В 1478 г. новгородские земли, в том числе и Поморье, были присоединены к Московскому государству. Северная русская культура вместе с этим утратила свою самостоятельность, а политическая культура русского народа продолжила развитие в направлении самодержавных традиций. В то же время Центральная Россия стала играть ведущую роль в развитии национального самосознания русского народа.

Важное значение в формировании русского национального сознания стало православное христианство. Христианство пришло на Русь из Византии, и после падения Константинополя в 1453 г., русское государство стало основным центром православной культуры. Политически и символически роль Москвы как преемницы Константинополя утвердилась браком Великого князя Ивана III и византийской принцессы Зои Палеолог, дочери последнего представителя этой династии. Московское княжество унаследовало византийский герб (двуглавый орел), а с 1547 г. — и титул царя (Cæsar). Усилению позиции православия в национальном самосознании русских способствовала также философская доктрина «Москва — третий

Рим», которая определяла историческую миссию России как хранительницы истинного христианства.

Православие распространялось и на Север. Монастырская колонизация способствовала освоению и заселению северных районов, и русские населенные пункты, как правило, вырастали вокруг православных монастырей (Шалапин, 1992:12). В 1584 г. по указу Ивана Грозного у стен Михайло-Архангельского монастыря в устье Северной Двины был заложен город Архангельск, который стал первым русским «окном в Европу» и центром международной торговли. Житие северосибирского святого Василия Мангазейского сообщает о том, что в начале XVII в. Мангазея была городом с православными храмами и налаженной торговой жизнью (Толмачев, 1912:221).

Однако своими византийскими корнями православие укрепляло южную ориентацию русской культуры. Север в русском сознании уже в XVI в. становился окраиной, местом ссылки, территорией, второстепенной по отношению к центральной России. Кола стала районом ссылки уже в 1550 году, в XVII в. после раскола церкви на Север ссылались или бежали от преследований старообрядцы (Визе, 1948:13). В 1619 г. царь Михаил Федорович запретил плаванья в Мангазею. Эта мера была вызвана в первую очередь боязнью проникновения в Сибирь иностранных купцов, однако ее последствия неблагоприятно сказались на развитии Русского Севера и северного элемента в русской культуре. Оживленный торговый район постепенно превратился в пустыню. Русский геолог и исследователь Сибири И. П. Толмачев писал по этому поводу:

[...] И если теперь интересы севера при всякого рода правительственных распоряжениях [...] попросту игнорируются, то тем более не думали об этом в 17-м столетии, когда значение Сибири и ее отдельных округов оценивалось лишь по количеству соборей, поступающих в Государеву казну. Падение севера, казалось, ничего не значило для всего мощного государства. Но несомненно, взгляд этот ложен. Север развивался, теперь он начал регрессировать и из статьи государственного дохода превратился в постоянный параграф расхода. Еще, однако, большее значение — отрицательного характера — имело для государства само закры-

тие морского пути [...] Исчезла бесследно вся выучка, приобретенная тяжелым опытом многих поколений, лоцмана, которых раньше нанимали немецкие люди, никому не передали своих знаний и, что хуже всего, исчезла самая привычка и потребность к плаванию. [...] на Ледовитый океан теперь перестали смотреть как на средство сообщения, а скорее как на какую-то помеху для сообщений, которая, на наше несчастье, имеется у нас на севере. (Толмачев, 1912: 225-226)

Значение северного идентитета в русском национальном самосознании возросло в годы правления Петра Великого. Молодой царь трижды посетил Архангельск и основал здесь судостроительную верфь в 1693 г. Город стал родиной российского военно-морского флота и внес немалый вклад в победу в Северной войне 1700-1721 г. Петр I перенес российскую столицу на северо-запад, в Санкт-Петербург и положил начало государственным работам по изучению возможности использования морского пути через Ледовитый океан на восток. При его непосредственном участии составлялся проект Камчатской экспедиции Беринга (1725-1730), он определил задачи Великой Северной экспедиции (1733-1743). В этом же направлении немало потрудился М. В. Ломоносов (1711-1765), «отец русской науки». Будучи уроженцем Архангельской губернии, он сам являлся носителем севернорусской поморской культуры и активно использовал опыт поморских плаваний в работах по географии и гидрологии северных морей. Ломоносов подчеркивал, что исследование северных морей является обязанностью России, вытекающей из ее географического положения, и утверждал, что «российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным океаном» (Ломоносов, 1952:498).

В то же время петровские реформы положили начало западной ориентации России, и с возвышением Петербурга центр международной торговли переместился из Белого моря на Балтику. Русская культура претерпела существенные изменения и получила новое, западное направление. Европеизацию России продолжили преемники Петра, и особенно Екатерина II, немецкая принцесса по происхождению. Таким образом, в русской культуре опять отчет-

ливо проявились два основных направления, но теперь соперником московской, традиционной культуры стала реформированная по западноевропейскому образцу культура Петербурга. Северный идентитет России снова отошел в тень, в XVIII-XIX вв. Русский север окончательно превратился в провинцию. Культура Поморья получила в глазах жителей центральной России экзотический оттенок¹. Этому способствовало и то, что русское население концентрировалось теперь в центральных, западных и южных губерниях России, в то время как на Севере кроме русских, жили также и «инородцы» — представители финно-угорских народов.

Северный идентитет норвежцев и русских и полярные исследования 1890-1917

Несмотря на то, что северный идентитет занимал разное положение в норвежской и русской культурах, обе страны объединяло осознание своей связи с Севером. Как норвежцы, так и русские считали арктические исследования своим национальным долгом и апеллировали к традиционной северной культуре своих народов .

Во второй половине 19 века географическая принадлежность скандинавских народов к Северу послужила основой для развития концепции «северного пространства» как уникальной сферы приложения национальных научных интересов и традиционного опыта (Wråkberg, 1995:179-180). Шведские и норвежские ученые считали, что традиционная культура сформировала у этих народов качества, которые обеспечивают скандинавам преимущества в деле освоения и исследования Арктики по сравнению с другими народами. В плане экспедиции к Северному полюсу Фритъоф Нансен отмечал:

Мы, жители севера, имеем вследствие географического положения наших стран, природных условий и традиционных занятий, особые предпосылки для достижений в исследовании Арктики. [...] Норвежцы, как опытный и знающий дело народ, часто нанимались другими экспедициями и всегда оказывали им неоценимую

¹ Некоторые исследователи выделяют поморов в особую этническую группу. См., например, Saariniemi (1994).

помощь. В качестве примера я могу привести экспедиции «Тегетгофа» и «Веги» (Нансен 1890:13)²

В книге «На лыжах через Гренландию» Нансен также обращал внимание на особые качества норвежцев как исследователей Арктики: «Мы имеем лучшие способности, чем другие народы, переносить суровый климат, и наше преимущество в умении ходить на лыжах очевидно» (Нансен 1890:6).

Однако не только норвежцы считались в Европе исключительными знатоками арктических условий. Опыт русских поморов также охотно использовался иностранными полярными экспедициями, как и опыт норвежцев. Участники упомянутой Нансеном экспедиции на судне «Тегетгоф» были спасены в районе Новой Земли русскими поморами и на их шхуне отправлены в Норвегию. За спасение австрийцев помор Ф. И. Воронин получил награды и от австро-венгерского, и от русского правительств (Пинхенсон 1962:118). Услугами поморов воспользовалась также английская полярная экспедиция Джексона-Хармсворта 1894-1896 г. (Engelhardt 1899:56-59). Экспедиции американца Уэльмана в 1898 г. и итальянца герцога Абруцци в 1899 г. оснащались и в Норвегии, и в русском Архангельске (Пинхенсон 1962:192-193). Русские и норвежские полярные исследователи обменивались опытом и оказывали друг другу взаимную помощь.

Сами русские, тем не менее, выражали осознание своей принадлежности к Северу иначе, чем норвежцы. Как правило, основное внимание обращалось более на географическую связь России с Севером, чем на особые «северные» качества русских. Адмирал С. О. Макаров, создатель первого арктического ледокола, говорил: «Если сравнить Россию со зданием, нельзя не признать, что фасад его выходит на Северный Ледовитый океан» (Макаров 1897:38).

² Экспедиция на судне «Тегетгоф» — австро-венгерская экспедиция 1872-1874 под руководством Ю. Пайера и К. Вейпрехта, открывшая Землю Франца Иосифа. Экспедиция на судне «Вега» под руководством шведского ученого А. Е. Норденшельда совершила в 1878-79 г.г. сквозное плавание по Северо-восточному проходу.

Ученый Д. И. Менделеев, более известный как автор периодической системы, также отмечал:

Желать истинной, то есть с помощью кораблей, победы над полярными льдами, Россия должна еще в большей мере, чем какое-либо другое государство, потому что ни одно не владеет столь большим протяжением берегов в Ледовитом океане. (Менделеев 1901:6)

Геолог и исследователь Арктики Эдуард Толль писал по поводу своей экспедиции к Земле Санникова:

Мы, русские, пользуясь опытом наших предков, уже по географическому положению лучше всех других наций в состоянии организовать экспедиции для открытия архипелага, лежащего на север от наших Новосибирских островов, и исполнить их так, чтобы результаты были и счастливы, и плодотворны (Толль 1900:19).

Однако, как мы уже отметили выше, северный идентитет русской культуры не играл ведущей роли в национальном самосознании русских, а был лишь одним из многих ее элементов. В связи с этим интерес к полярным исследованиям и к Северу вообще в России отличался непостоянством. В середине XIX в. в русской исследовательской активности в Арктике наступил перерыв. Поморские промыслы, не выдерживая иностранной конкуренции, также пришли в упадок. Норвежские зверобой и рыбаки постепенно вытесняли поморов из районов их традиционного промысла и даже осваивали новые территории, считавшиеся русскими недоступными по природным условиям. Такое положение дел неблагоприятно сказывалось на развитии поморского полярного судостроения и совершенствования опыта в полярных плаваниях. Со второй половины XIX в. даже в русских ученых кругах утвердилось мнение о превос-

ходстве норвежцев над поморами в этой сфере деятельности³. В русском общественном сознании также наблюдался период «забвения» связи России с Арктикой и севером вообще. Большая публика о севере не знала, не хотела знать и к вопросу об исследовании севера и северного морского пути относилась нередко как к академическому предприятию, ничего общего не имеющему с практической жизнью (Толмачев 1912:217).

Возрождению интереса к Северу в России способствовала деятельность сибирского золотопромышленника М. К. Сидорова (1823-1887), уроженца Архангельска. С 50-х годов XIX в. до самой своей кончины он отстаивал мнение о возможности возрождения морского пути в Сибирь. Прямой целью его пропаганды, как отмечал ученый-полярник Ф. Ф. Врангель, было «желание оживить наш окоченевший Север». (Врангель 1897:372). Своей активностью в решении вопросов, связанных с развитием Европейского севера и Сибири, Сидоров сыграл значительную роль в возрождении северного идентитета в русском национальном сознании. Ему принадлежит доклад «О неоспоримых правах России на Шпицберген», прочитанный в апреле 1871 г. на собрании Общества для содействия русской промышленности и торговли. Этот доклад обратил внимание русской общественности к забытым было северным территориям и напомнил о заслугах поморов в освоении этого архипелага. Как раз в 1870 г. Швеция выступила с предложением передать Шпицберген Норвегии, и активная пропагандистская деятельность Сидорова во многом повлияла на формирование отрицательной реакции России на это предложение (Пинхенсон 1962:497-504). В дальнейшем Россия играла активную политическую роль в решении Шпицбергенского вопроса. Во время международных переговоров 1910-1914 гг., России, Швеции и Норвегии как «северным державам» было предоставлено право разработки проекта конвенции о правовом статусе архипелага. Первая мировая война прервала переговоры, а Октябрьская революция 1917 г. и Брестский мирный договор с Герма-

³ Русские полярные экспедиции начала XX в. использовали в основном норвежские китобойные суда в качестве основного транспортного средства.

нией исключили затем Россию из числа участников (Aglov 1994:64-65).

Деятельность иностранных государств в Русской Арктике, которая особенно активизировалась в последней четверти XIX - первом десятилетии XX вв., также помогла «вспомнить» России о ее связи с Севером. Северные соседи — Швеция и Норвегия успешно использовали северную ориентацию в национальных культурах как средство политической экспансии. В 1906 году Министерство иностранных дел Норвегии определило Арктику сферой своих особых интересов, куда попали в том числе Баренцево и Карское моря (Berg 1995б:111-124). Чтобы защитить свои права на северные территории, Россия также обратилась к своему северному идентитету. В печати стали появляться статьи, напоминавшие русским о прежних успехах в деле освоения Арктики и о значении северных территорий для экономического развития страны. Русско-японская война обозначила военно-стратегическое значение исследования Северного морского пути. Все это в целом способствовало тому, что в первое десятилетие XX в. значение северного идентитета в русском сознании и русская активность в Арктике заметно возросли.

Итак, северный идентитет послужил культурной основой как для норвежских так и для русских полярных исследований к. XIX - н. XX вв. Однако если в норвежской культуре северный идентитет постоянно занимал основное положение, то в русской культуре он был одним из многих слагаемых национального сознания. В к. XIX - н. XX вв. ведущая роль северного идентитета в норвежской культуре способствовала тому, что полярные исследования находили у норвежской общественности горячую поддержку и рассматривались как воплощение народного идеала и средство национального самоутверждения. Норвежские полярные исследователи стали народными героями подобно древним викингам. В России к. XIX - н. XX вв. возобновлению арктических исследований и возрождению северного идентитета во многом способствовали экономические и политические обстоятельства, связанные с географическим положением страны. Северный идентитет и полярные исследования стали средством национального самоутверждения русских уже в советское

время. Дореволюционный период подготовил для этого историческую основу.

Источники и литература

Белов, М. И. Арктические мореплавания с древнейших времен до середины XIX века. Москва, 1956.

Визе, В. Ю. Моря Советской Арктики. Москва, 1948.

— Новые сведения о русском арктическом мореплавании в XVII веке. // *Летопись Севера*. 1949. Т. 1.

Врангель, Ф. Ф., Макаров, С. О. Об исследовании Северного Ледовитого океана. (лекции). // *Известия Императорского Русского Географического общества*. 1987. Т. XXXIII, вып. V.

Ломоносов, М. В. Краткое описание путешествий по северным морям. О возможности мореплавания Сибирским путем в Ост-Индию, признаваемая по натуральным обстоятельствам. ПСС. Т. VI, Москва, 1952.

Менделеев, Д. И. Докладная записка проф. Д. И. Менделеева об исследовании Северного полярного океана. 14 ноября 1901 г. // *Советская Арктика*, 1937. № 6.

Пинхенсон, Д. И. Проблема Северного Морского пути в эпоху капитализма. Ленинград, 1962.

Толь, Э. В. Очерк истории геологии Ново-Сибирских островов и важнейшие задачи исследования полярных стран. // *Записки Императорской Академии наук*. 1899. Т. IX, №. 1.

Толмачев, И. П. Северный морской путь. // *Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли*. 1912. Часть XXX.

Шаляпин, С. О. Монастыри в истории Беломорского Севера // *Оттар*, 1992, №. 192.

Angaaende Bevilgning af to Trediedelev ved en norsk Polarekspedition. Sth. Prp. No 67, 1890.

Arlov, Thor B. Svalbard historie. Aschehoug, 1996.

- Barr, William.* The Arctic Ocean in Russian history to 1945. // Lawson W. Brigham (ed.). *The Soviet Maritime Arctic*. London, 1991.
- Berg, Roald.* A Norwegian policy for the North before World War I? // *Acta Borealia*. 1994-1995. C. 5-19.
- *Norge på egen hånd. 1905-1920*. Oslo, 1995.
- Christensen, Olav & Skoglund, Audhild* (ed.). *Nansen ved to århundreskifter*. Oslo, 1996.
- Engelhardt, Aleksander.* *A Russian Province of the North*. London, 1898.
- Nansen, Fridtjof.* *Paa Ski over Grønland. En Skildring af den Norske Grønlands-Ekspedition 1888-89*. Kristiania: H. Oslo, 1890.
- *Nord i Tåkeheimen*. Oslo, 1911.
- Saariniemi, Pirjo.* Kulturdialog mellom Nord-Russland og Nord-Norge i nyere tid., ca. 1800-1917. Etnokulturelle kontakter på Nordkalotten. // Jens Petter Nielsen & Gunnar Opeide (eds.). *Den menneskelige dimensjon i Nord-områdene, Arkhangelsk*, 1994.
- Wråkberg, Urban.* *Vetenskapens vikingatåg. Perspektiv på svensk polarforskning. 1860-1930*. Uppsala, 1995.

Summary:

Northern identity in Russian and Norwegian cultures as a background for polar explorations 1890-1917

Compared to other European nations, Norwegians and Russians had an attachment to the Arctic from early on in their history. They were the pioneers in polar seafaring, and the exploration and settlement of the northern regions. For both nations, northernness became an important part of national identity.

Northern identity and attachment to the Arctic created the cultural background for both Russian and Norwegian traditions of polar exploration. However, if Norwegian culture confined itself to northernness, the northern identity of the Russians was only one part of a heterogeneous national identity. During the second part of the nineteenth and the beginning of the twentieth centuries the central place of northernness in Norwegian culture and national self-consciousness made polar exploration a natural part of nation-building and promoted Nor-

wegian involvement in the Arctic. For Russia, on the other hand, this period was marked by both decline and reanimation of northern identity. It seems to be that in case of Russia, the geographic factor of the northern identity and political and economic interests in the north were of more importance than cultural predispositions for renewed research activity in the Arctic during the period 1890-1917. At the same time, cultural attributes related to the North were an important part of the Norwegian exploring tradition.

Svetlana A. Khorikina, student of the University of Tromsø, Department of History, N-9037 Tromsø, Norway.

E-mail address: svekho@stud.sv.uit.no